

Глава 1. Деревня

Ветер, пронизанный горной прохладой, змеился меж ветвей, осыпая лицо ледяными каплями росы и пробуждая в теле зябкую дрожь.

Долину окутала густая, почти осязаемая тьма. Тяжелые кроны деревьев скрывали луну, затаившуюся за облаками, и разглядеть что-либо было невозможно, даже вытянув руку.

Тяжёлое, прерывистое дыхание срывалось с губ, становясь всё более частым и отчаянным.

Под ногами с сухим треском ломались прошлогодние листья. Каждый шаг — то глубокий, вязкий, то нетвёрдый, скользкий — превращал их в труху, безжалостно вминая в сырую землю.

— Спасите... Помогите...

Мужчина средних лет, спотыкаясь и падая, продирался сквозь лесную чащу. Дорога, которую он обычно преодолевал за несколько минут, теперь казалась бесконечной. Он бежал уже почти полчаса, но спасительного просвета так и не было видно.

В лесу стояла мёртвая тишина, нарушаемая лишь редкими порывами ветра, что заставляли листья тревожно шелестеть.

Мужчина выбился из сил. Ноги отяжелели и отказывались слушаться, но он не смел остановиться, не мог. Нечто за спиной, подобно призраку, неотступно следовало за ним, не приближаясь, но и не отставая. Он знал: стоит сделать хотя бы одну остановку, и оно тотчас поглотит его.

— Спасите! Кто-нибудь, спасите меня!

Он больше не мог бежать, не мог даже кричать. Пересохшее горло едва выдавало из себя хриплый шёпот.

Внезапно из-под земли словно выросла толстая, кривая ветвь. Мужчина не заметил её в темноте, запнулся и с глухим стуком рухнул ничком на ковёр из прелых листьев.

Запах плесени, сырости и тошнотворно-сладкий, почти трупный смрад ударили в нос, отчего голова пошла кругом.

Мужчина попытался подняться, но нога запуталась в корявых отростках ветки, и все усилия были тщетны.

Он перевернулся на спину и, отталкиваясь руками от земли, в ужасе попятился назад, вглядываясь в непроглядную тьму.

— Не подходи... Уходи, уходи прочь...

Он был готов разрыдаться, но слова оказались бессильны. В следующее мгновение гигантская тень, словно вырвавшись из-под земли, накрыла его с головой.

Мужчина не успел издать и последнего крика — лишь безвольно обмяк и затих.

Тучи рассеялись, и из-за них выглянула луна. В её холодном свете на том месте, где только что лежал человек, не было ничего.

— Беда! Великая беда! Старик Чжан пропал!

— Как пропал? Старина Чжан ведь мужик крепкий, здоровый.

— А вы и не знаете! Он вчера как вечером ушёл, так и не вернулся. Его домашние с самого утра на поиски отправились, а в итоге... Ох, идите сами посмотрите. Умер страшной смертью, словно... словно его лиса-оборотень досуха иссушила.

— Идём, идём, надо взглянуть.

Тихая деревушка вмиг пробудилась от долгого сна. Известие о загадочной смерти прервало её мирное и безмятежное существование. И те, кто работал в поле, и те, кто занимался домашними делами, — все, услышав новость, поспешили к месту происшествия.

Самая осведомлённая в деревне, тётя Ван, стояла у ворот и красочно расписывала подробности странной гибели старика Чжана.

Доходя до самых невероятных деталей, она понижала голос до шёпота, словно боялась навлечь на себя беду, а на её лице застыло выражение неподдельного ужаса, будто она сама всё это пережила.

Чу Вэй только что сорвал в огороде два огурца к завтраку.

Он отнёс их на кухню, сполоснул руки под струёй воды, неторопливо вытер их и, взяв нож, принялся чистить овощи.

В его руках был обычный кухонный тесак — не самый удобный инструмент для чистки таких длинных и тонких овощей, как огурцы.

Однако в руках Чу Вэй широкий нож двигался проворнее любого фруктового, превращаясь в размытый силуэт.

Чу Вэй отложил тесак и, подцепив кожицу у основания огурца, одним движением снял её целиком.

Окажись кто-нибудь рядом, он бы не поверил своим глазам: снятая кожа была не только идеально целой, но и равномерной по ширине, словно изысканный экспонат из витрины музея.

Однако Чу Вэй, небрежно выбросив её в мусорное ведро, лишь покачал головой и с ноткой недовольства пробормотал себе под нос:

— Всё ещё слишком медленно.

Не успел он разрезать огурцы, как в дверях кухни появился запыхавшийся чернявый парень в футболке. Он опёрся о дверной косяк и громко крикнул:

— Чу Вэй... скорее, пойдём со мной.

С этими словами он шагнул внутрь, намереваясь схватить его за руку.

Чу Вэй обернулся. Его прекрасные глаза с лёгким прищуром спокойно взглянули на парня. Рука, уже протянутая к нему, замерла в воздухе, а затем невольно отдёрнулась.

Странное дело: в их деревне все мужики были как на подбор — крепкие, грубоватые, с тёмной, обветренной кожей. Даже молодые парни — и те были загорелыми и грубоватыми. Один лишь Чу Вэй выделялся на их фоне: бледный, изящный, с тонкими чертами лица и алыми губами. Даже самая красивая девушка в деревне не могла сравниться с ним.

Все они трудились под палящим солнцем, но его кожа словно не воспринимала загар, а летом он даже не потел.

Чэн Даню на мгновение замер, но тут же опомнился и торопливо сказал:

— С дядей Чжаном беда случилась, пойдём скорее, посмотрим.

Чу Вэй слегка нахмурился.

— Беда?

— Точно не знаю, — ответил Чэн Даню. — Уже в полицию позвонили, но они, наверное, не скоро доберутся.

Чу Вэй отложил нож и вышел вслед за Чэн Даню.

Их деревушка находилась в глуши. До ближайшего посёлка было почти два часа езды на машине, а до уездного города — и того больше.

Дом старика Чжана стоял на другом берегу широкой реки, и, чтобы добраться до него, нужно было сделать крюк и перейти через мост.

Ещё на подходе они услышали доносящиеся из дома душераздирающие рыдания.

— Старина Чжан, как же ты покинул меня? Что же мне теперь одной делать?

— Я же говорила тебе, не ходи, не ходи! Ночью в лесу опасно. Почему ты не послушал, почему?

— Как же мне теперь жить, как жить...

Судя по голосу, это была жена дяди Чжана.

Чу Вэй замедлил шаг и поднял голову, взглянув на крышу дома. В его ясных глазах отразилось едва заметное чёрное облако.

— Ты чего остановился?

Чэн Даню с недоумением посмотрел на замершего Чу Вэя и тоже невольно затормозил.

Тётя Ван говорила, что дядя Чжан умер ужасной смертью. Крепкий, сильный мужчина превратился в обтянутый кожей скелет, кожа начала гнить, а глаза вылезли из орбит, словно два медных колокольчика. Если бы не одежда, в которой он ушёл из дома, родные могли бы его и не узнать.

Несмотря на любопытство, в глубине души Чэн Даню всё же было страшно.

Чу Вэй опустил взгляд и, как ни в чём не бывало, ответил:

— Ничего.

И снова двинулся вперёд. Чэн Даню поспешил за ним.

Во дворе у старика Чжана уже собралась толпа, в основном старики.

Вся молодёжь давно уехала в город на заработки. В деревне остались лишь дети-школьники да старики. Мужчин средних лет, таких как Чжан, было немного.

Несколько ребятшек пытались пробраться поближе, чтобы поглазеть, но взрослые тут же хватили их, закрывали им глаза и уводили прочь.

Чэн Даню, пользуясь своим ростом и худобой, протиснулся сквозь толпу, увлекая за собой Чу Вэя. Выбравшись вперёд, он вытолкнул друга перед собой, а сам встал у него за спиной и принялся вытягивать шею, заглядывая внутрь.

Дядя Чжан лежал в главной комнате на нескольких досках, покрытых соломенной циновкой.

Его тело было с головой накрыто белой тканью.

Чэн Даню украдкой взглянул и пробормотал:

— Ничего не видно.

Он не заметил, как в зрачках стоявшего перед ним Чу Вэя, который до этого не проронил ни слова, отразился силуэт человека — того самого, что должен был лежать мёртвым на досках.

Чу Вэй смотрел на оцепеневшего призрака, витавшего над собственным телом, и слегка нахмурился.

После смерти душа человека семь дней не покидает мир и, по идее, должна находиться в здоровом уме и быть способной к общению. Но этот призрак дяди Чжана выглядел как-то... ненормально.

Чэн Даню толкнул Чу Вэя и прошептал:

— Ты же у нас смелый, сходи, посмотри.

Даже если бы он и не просил, Чу Вэй и сам собирался это сделать.

Однако стоило ему сделать шаг, как кто-то сзади крепко схватил его за руку.

— Сяо Вэй, стой где стоишь и не двигайся.

Чу Вэй обернулся. За ним стоял его дедушка — восьмидесятилетний старик с морщинистым лицом.

Вот уже больше десяти лет они жили вместе.

Услышав его слова, Чу Вэй замер, но взгляд его по-прежнему был прикован к застывшему лицу призрака.

Деревенские жители, хоть и сгрудились вокруг, держались на почтительном расстоянии. Очевидно, вид покойного напугал их, и они не решались подойти ближе. Лишь жена старика Чжана, склонившись над телом, продолжала надрывно рыдать.

Вокруг стоял тихий гул — все перешёптывались.

— Точно лиса-оборотень. Вы разве не видели, как он иссох?

— Какая лиса-оборотень, по-моему, на нечисть наткнулся.

— Давно говорили, что в той долине что-то неладное творится, вот и дождались.

Толпа ещё долго не расходилась. Наконец, в деревне раздался вой сирен, и вскоре у дома старика Чжана остановилась полицейская машина.

— Пропустите, всем разойтись.

Из машины вышли трое в форме. Толпа нехотя расступилась, освобождая им дорогу.

К полиции в деревне относились с почтением, и даже перешёптывания стихли.

Чу Вэй стоял в стороне, наблюдая, как полицейские оцепляют место происшествия и выпроваживают зевак из дома.

Чэн Даню не удержался и проворчал:

— Что эти полицейские о себе возомнили? Почему смотреть не дают?

— Наверное, чтобы следствию не мешать.

Отвечая, Чу Вэй незаметно вынул из-за спины талисман и, пока все суетились, быстро прикрепил его к плечу одного из полицейских.

Стоило талисману коснуться формы, как он вспыхнул тусклым светом и тут же исчез.

Вскоре двери дома закрылись, и происходящее внутри скрылось от глаз.

Чу Вэй прикрыл глаза, а когда снова открыл, один из его зрачков стал иссиня-чёрным, словно глубокий водоворот.

Через талисман он видел всё то же, что и полицейский.

Белую ткань откинули, открыв лицо дяди Чжана. Девушка-полицейский вскрикнула, её рука дрогнула, и она, выронив покрывало, отшатнулась на два шага назад.

Зрачки Чу Вэя сузились. Иссохшее лицо дяди Чжана было покрыто лишь тонким слоем почерневшей кожи, глазницы ввалились, а рот был широко открыт. Всё было так, как описывала тётя Ван, — словно из него высосали всю жизненную силу.

Это никак не походило на естественную смерть.

Полицейские, очевидно, тоже это поняли.

— Где вы обнаружили тело? Почему не сообщили в полицию сразу?

Жена старика Чжана, всхлипывая, перестала плакать и сдавленным голосом ответила:

— В деревне есть обычай... нельзя оставлять покойника в диком поле, иначе его сочтут бездомным, неприкаянным духом. Когда мы его нашли, я так разволновалась, что... сразу принесли его домой.

На лице полицейского отразилось недоумение. Он никогда не слышал о таком странном обычае.

Стоявший снаружи Чу Вэй подумал о том же.

Таковыми действиями они не только уничтожили улики на месте преступления, но и, вполне возможно, принесли убийцу... прямо в дом.

Он хотел было продолжить наблюдение, как вдруг в его сознании раздался низкий, глубокий голос.

«Ученик, ты что-нибудь разглядел?»

Глаза Чу Вэя вспыхнули, и он радостно прошептал:

— Учитель!

<http://bllate.org/book/16969/1580462>